

Подозрительная профессия

ВСТРЕЧА

Как человек и музыкант **Владимир Ашкенази** сформировался в России. Путь в музыку начался для него вполне традиционно: музыкальная семья, Центральная музыкальная школа, затем консерватория, класс профессора Льва Оборина.

— Теперь, — вспоминает музыкант, — я особенно хорошо вижу, как много для меня значили учителя. Они не прощали никакой халатности; их преданность искусству придавала смысл и моей любви, превращая ее в фундамент, основу занятий.

Владимир Ашкенази уехал из страны в 1963 году. Ныне он частый гость в России, и это интервью состоялось во время недавнего его приезда в Петербург.

— Испытывали ли вы ностальгию, оставив в России родителей, друзей, учителей?

— Нет, нисколько. А если бы мои родители жили в Африке, что, я скучал бы по ней? Каждый человек тоскует по детству, по первой любви, но это не ностальгия. Наряду с хорошим, светлым было много ужасного, связанного с системой.

После отъезда в моей жизни не стало «большого брата» в лице КГБ и министерства культуры. Однако бремя свободы тоже оказалось нелегким. В отличие от деспотических обществ, в свободном мире все действительно зависит от того, какую шкалу ценностей ты избереешь. Тоталитарный режим насильно уродует человека, он перестает отличать добро от зла, и это не вина его, а беда. Конечно, я не хочу сказать, что на Западе нет уродов, но быть такими — это их свободное решение, не навязанное обстоятельствами.

— Однако отъезды российских музыкантов за рубеж носят массовый характер. Молодому поколению не у кого будет учиться.

— Российская земля очень богата талантами, и, несмотря ни на что, они все время рождаются. Наконец, жизнь в России со временем станет лучше, и это бегство все-таки прекратится.

Но уехавшие из России остаются русскими, представителями российской школы, и если они будут жить за границей, молодежь сможет к ним приезжать и учиться у них там, ведь мир стал очень маленьким. Единственное, о чем действительно стоит тревожиться, чтобы мы все не одичали. Сознание нам дано, чтобы духовно обогащать друг друга, а не находить способы все большего приумножения материальных ценностей.

— Можете ли вы сказать, что вам повезло? Ведь между талантом и карьерой нет прямой связи.

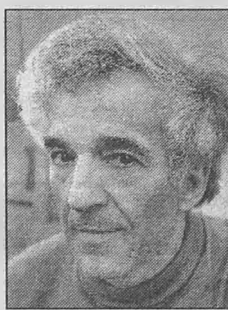
— В определенном смысле мне повезло. Государство посылало меня на конкурсы — на шопеновский в 1955 году, где я был вторым, и в Брюссель в 1956 году, где я завоевал первую премию. Тогда эти премии открывали многие двери, чего не скажешь о дне сегодняшнем.

Вообще же везение не может быть без таланта, как не может состояться без таланта настоящая большая карьера. Очень важно в нужный момент быть на высоте, собраться и не упустить свой шанс. Кроме того, необходимо фанатическое отношение к искусству, гигантская воля — без них даже талант ничего не решает.

— В вашей жизни произошел перелом: будучи известным пианистом, вы решили стать дирижером. Как это случилось?

— В вопросе я слышу некоторый подвох. Все у меня в порядке, карьера складывается удачно, казалось бы, к чему эти новшества? Дело в том, что я с детства испытывал любовь к оркестру, к оркестровой звучности, а человек никогда не устает стремиться к тому, что ему действительно нравится.

Вспоминаю замечательного композитора Андре Превена, который писал музыку к фильмам, был весьма богат и удачлив. Но его привлекала классика, и он сменил поле деятельности. Когда он был дирижером Лондонского оркестра, к нему пришел композитор Манчини, автор известного шлягера «Love Story», и задал ему самый деликатный на Западе вопрос: «Сколько вы теперь получаете?» Оказалось, что Андре Превен стал значительно меньше зарабатывать, и Манчини прокомментировал это так: «Бедный Андре! До чего же его довела классика... Как он опустился!» Но сам Превен был вполне счастлив; он занимался тем, к чему стремился всю жизнь, а для этого стоит и пойти на риск, и даже многого лишиться.

— В чем особая притягательность дирижерской профессии и какими качествами надо обладать, чтобы управлять оркестром?

— Дирижерская профессия вообще подозрительна. Шарлатану стать дирижером легче, чем исполнителем на каком-либо инструменте. Некоторые знаменитые дирижеры завоевали славу, упиваясь властью. Стоять перед большим оркестром, распоряжаться волей ста человек, быть самым главным — вот их основной мотив. При этом музыкантом можно быть просто средним, приличным, не более, но остаться в истории.

Случается так, что уникальная комбинация оркестра и дирижера приносит успех. Отличный оркестр как бы делает дирижера, дает ему имя. Много значит и техническая подготовка: мало иметь намерения, надо уметь передать их оркестру. Вспоминаются слова Лорина Маазеля: «Я дирижирую с детства, и никто не может сомневаться в моей технике. Если бы надо было назвать дирижеров, у которых есть полноценная техника, то я бы упомянул троих: Караяна, вашего покорного слугу и еще одного, которого я не назову».

Конечно, очень важно, чтобы дирижеру было что сказать, чтобы он был музыкантом большого масштаба, и это, пожалуй, главное. Но если говорить о дирижерах, обладающих всеми необходимыми качествами, то я бы назвал Караяна, Аббадо... и некоторых других.

— Подойдем тогда к вопросу с другой стороны: что соответствует вашей музыкальной природе, а что нет, что кажется вам менее привлекательным и даже чужим?

— Мне не соответствует Брукнер или, может быть, я ему. Я в нем ощущаю сочетание любительской композиции и помпезности. Говорят, что он пишет искренне, но одной искренности недостаточно, он слишком переполнен собой. Может быть, это и есть чисто религиозная сущность, но тогда его религия слишком однозначна, она меня ничему не учит. Все, что он говорит, можно было бы сказать короче и проще, и если, как утверждают, в своей музыке он «строит собор», то мне не хочется на него смотреть.

Красота в искусстве — вопрос достаточно сложный. Музыка Сен-Санса, Скарлатти, Вивальди, безусловно, красива. Ну и что? Сочинять они умели, все на своих местах, но и только. Я иногда думаю: «Что бы Майя делала без «Лебедя» Сен-Санса?» Или некоторые певицы без эффектной арии Далилы? Однако не будь Сен-Санса, человечество потеряло бы не слишком много.

— Радует ли вас сегодняшнее положение классической музыки, и какова, по-вашему, ее дальнейшая судьба?

— Я на протяжении многих лет играю в одних и тех же залах и вижу, что, несмотря на пессимистические прогнозы скептиков, люди ходят на концерты. У меня есть все основания надеяться, что классика не умрет. Ведь она затрагивает те категории, которые не имеют временного предела: Бог, смысл жизни, сущность красоты. Люди, которые думают, что классика — это нечто преходящее, просто не понимают, что музыка, так же как литература, философия, другие искусства, — это средство познания жизни. Таких людей можно только пожалеть, подобная узость взглядов — их несчастье.

Сейчас я принимаю участие в работе над фильмом, который снимает компания Vivendi из Гамбурга. Это будет фильм обо мне и моей работе и в то же время о судьбе культуры в современном мире. Я хочу использовать этот фильм, чтобы привлечь как можно больше людей к высокому искусству музыки. Надеюсь, что мне это удастся.

Пользуясь случаем, хочу передать наилучшие пожелания всем, с кем я работал раньше и работаю сейчас в России. Я всегда с удовольствием приезжаю на родину, очень люблю русскую публику и в мае этого года рассчитываю вновь побывать в Петербурге.

Дина КИРНАРСКАЯ